



Эстоппель и принцип добросовестности все чаще становятся предметом внимания российских авторов. Возможно, кому-то эти темы уже успели наскучить за несколько лет их относительно активного обсуждения. Но надо понимать, что мы за короткие сроки пытаемся наверстать то, что сделали иностранные правовые порядки за более чем столетие интенсивных доктринальных дискуссий и не менее интенсивной судебной практики. Причем даже сейчас интерес к темам эстоппеля и добросовестности за рубежом не угасает, а по отдельным вопросам иностранные авторы и суды все еще не могут прийти к единому пониманию.

В то же время если в иностранных правовых порядках интерес к добросовестности и эстоппелю укреплялся эволюционным образом через появление отдельных прецедентов и научных статей, то в России эстоппель и добросовестность обязаны вниманием к себе законодателю. Его активность при реформе сделок и обязательственного права имела двоякие последствия. Во-первых, через закрепление отдельных случаев эстоппеля и дублирование принципа добросовестности в общей части обязательственного права он подчеркнул значимость этих концепций для российского правового порядка. Во-вторых, вольно или невольно определил условия применения частных случаев эстоппеля (например, в п. 5 ст. 166 ГК РФ), которые иногда ошибочно понимаются судами как исчерпывающие.

В результате такого повышенного внимания законодателя российский правовой порядок столкнулся с тем, что суды стали ссылаться на добросовестность и эстоппель там, где это избыточно, а иногда даже неосновательно с точки зрения справедливости. Все это, конечно, негативно сказывается на правовой определенности. Поэтому задачей доктрины сейчас видится обуздание такой непропорциональной реакции на законодательное решение и относительно четкое установление случаев, в которых эстоппель и добросовестность могут применяться. Нестабильная судебная практика — такова плата за вмешательство законодателя в эволюционный процесс, но представляется, что в долгосрочной перспективе это вмешательство окажется оправданным.

Тематические статьи апрельского номера журнала «Закон» вносят вклад в понимание того, что такое эстоппель и когда он может применяться. Часть материалов исследуют эстоппель вглубь, изучая его соотношение с принципом добросовестности и обращаясь к истории и сути этого принципа, а часть — вширь, пытаясь обнаружить специфику запрета противоречивого поведения в различных сферах как частного, так и публичного права.

**Дмитрий Федоров,**

старший эксперт направления «Правовое развитие»  
Центра стратегических разработок,  
магистр частного права (РШЧП)